

ся элементы общесоветской социалистической обрядности (посещение дорогих для советских людей мест и т. д.) в чудовищном сочетании с чуждыми социализму, мещанскими по целевой функции обрядами. Другими словами, псевдоидейность отдельных элементов служит как бы оправданием мещанской сущности этих обычаев, фактически заменивших традиционные для мещанской среды в прошлом церковные обряды. Борьбу с этими явлениями можно вести только на основе точного этнографического знания подлинно народных обычаев и обрядов, развивая их и совершенствуя в русле общесоветской традиции.

В этой статье затронуты лишь некоторые проблемы современности, настоятельно требующие внимания советских этнографов. Отнюдь не претендуя на исчерпывающую характеристику этих проблем, представлялось существенным показать, что в свете задач, выдвигаемых партией на современном этапе перед общественными науками, особенно очевидна необходимость повышения практической роли этнографии, усиления ее конструктивных управленческих функций, в том числе в разработке сельской проблематики. Надо, чтобы прогрессивный опыт народа стал достоянием писателей, архитекторов, художников. Это поможет ликвидировать разноречие в выработке новых обрядов, проектов сельских домов, а также избежать огульного отрицания традиционных элементов быта. Этнографы могут принять участие в общественном регулировании производства предметов быта. Ведь все более очевидной становится необходимость учета этнической специфики во всех социальных мероприятиях, связанных с дальнейшим совершенствованием зрелого социализма, особенно тех, которые относятся к современному селу. При этом представляется также важным иметь в виду, что повышение практического значения этнографических исследований в решении современных задач невозможно без совершенствования всех сторон этих исследований — методологических, методических, организационных и т. д. От установления статистических зависимостей, позволяющих ориентироваться в причинах полученных результатов, следует все больше переходить к изучению самого механизма исследуемых процессов; от изучения различных сторон жизнедеятельности этносов-народов — к их исследованию как целостного объекта; от описания — к объяснению. Только при таком общем подходе этнографическая наука может внести свой весомый вклад в изучение современной сельской проблематики.

Н. П. Колпакова

О ЖАНРОВОЙ И СЮЖЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ БЫТОВОЙ ПЕСНИ

Любой материал, в том числе и народно-песенный, может быть классифицирован и исследован в различных аспектах в зависимости от цели, которая при этом преследуется. У нас еще нет достаточного количества вспомогательных описаний, справочников, указателей, каталогов, работ по систематизации как фольклорного, так и этнографического материала, которые помогали бы исследователям и широким кругам читателей свободно ориентироваться в богатом национальном народном поэтическом творчестве хотя бы в пределах его основных, наиболее крупных жанров. Особенно сложно обстоит дело с народной песней.

Если русские былины, исторические песни, сказки и предания, т. е. жанры повествовательные, можно как-то сопоставить по тематике, сюжетике, художественным средствам с эпическими и повествовательными

ми жанрами других народов благодаря соответствующим международным указателям (что уже частично и сделано)¹, то международного справочника (указателя, каталога) по жанрам, темам, сюжетам и текстам традиционных народных бытовых песен нет². Это, очевидно, не случайно—возможно, что его и нельзя создать. Общеизвестное изречение «песня — душа народа» говорит о том, что песня каждого народа — значительно более индивидуальна, чем героический эпос или сказка, поскольку она повсюду рождалась и развивалась в особо тесной связи с национальными особенностями истории, быта и культуры создавшего ее этноса. В частности, одной из наиболее характерных черт текстов русской народной традиционной песни является своеобразие композиционного облика: она захватывает не грандиозностью разворачиваемых картин, как былины, и не занимательностью повествования, как сказка; в ней зачастую нет никакого сюжета. Ее сила в глубокой эмоциональности, в обаянии поэтических сопоставлений и красочных языковых средств, в пластике лирических образов, где красота народно-поэтического слова подкрепляется выразительностью напева. Все это имеет свое особое национальное выражение, свою особую структуру и художественные приемы. Обобщения и подгонка под одну мерку для какого-либо международного каталога или указателя тут вряд ли возможны. Поэтому исследователь, желая нарисовать общую картину русской традиционной песенности, едва ли сможет при этом сослаться на опыт ученых, систематизирующих песенные богатства своих народов, выросшие на иной, чем русская, национальной традиции; в свою очередь ученым, занимающимся другими народами, русское исследование в этом плане, вероятно, не могло бы помочь.

Многолетний опыт по собиранию и изучению народных песен закономерно привел автора данной статьи к желанию, не претендуя на широкие, тем более международные масштабы своей работы, на материале русского песенного фольклора выработать какие-то принципы систематизации песенных текстов; иными словами, составить ориентировочный жанровый и сюжетно-тематический указатель русских народных песенных текстов. Такое описание (или указатель) в любой форме и даже на самой предварительной ступени разработки материала могло бы служить и фольклористам, и широким кругам любителей народной поэзии. Оно было бы нужно прежде всего для того, чтобы на конкретном материале уточнить взаимосвязь песни с народным бытом и выявить национальную специфику в жанрах и темах русского традиционного песенно-поэтического творчества; оно могло бы облегчить исследователям возможность сравнивать русскую песню с песней других народов и, сопоставляя, наблюдать жанровую и сюжетно-тематическую общность и различия в их устной народно-поэтической традиции, прежде всего в песенной традиции соседей-славян. Наконец, его можно было бы использовать при выяснении истории публикаций, географического распространения, разночтений, степени популярности того или иного песенного текста. Словом, такой указатель, содержа в себе разнообразные фактические данные, мог бы служить многим различным целям при изучении русской народной песни.

В качестве первой попытки подобного рода автором данной статьи был составлен такой указатель. Вначале были просмотрены наиболее фундаментальные текстовые и музыкальные сборники, своды-антологии, тематические и областные сборники народных песен XVIII—XX вв., а

¹ См. Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1960; Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М.: Наука, 1971; Соколова В. К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970; Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка/Сост. Баран Л. Г., Березовский И. П., Кабашников К. Н., Новиков Н. В. Под ред. Чистова К. В. Л.: Наука, 1979, и др.

² В данной работе речь идет не о песне как музыкально-поэтическом комплексе, а о песенных текстах, представляющих собой самостоятельный огромный раздел словесного народно-поэтического творчества. Эпические жанры (былины, баллады и др.) в рассмотрении не входят

также значительное число неопубликованных архивных материалов, собранных многочисленными экспедициями в различных районах СССР. Все это в общей сложности дало около 40 000 народно-песенных текстов.

Уже в самом начале работы, естественно, встал целый ряд принципиальных вопросов, которые нужно было выяснить прежде, чем приступить к систематизации материала. Потребовалось и уточнить некоторые положения, ставшие традиционными для нашей фольклористики.

Издавна принято считать, что русских народных традиционных песен очень много. Действительно, репертуар их, понимаемый как комплекс повседневных бытовых народно-поэтических произведений, веками существовавших в обиходе русского народа, огромен, разнообразен и очень сложен. Однако следует помнить, что впечатление необъятности и пестроты этого репертуара в значительной степени обусловлено громадным числом песенных вариантов, возникших в различных районах за долгое время. Бесспорно, каждый вариант может быть рассмотрен как относительно самостоятельное художественное произведение; но при этом он все-таки является вариантом, т. е. одним из разночтений какого-то известного текста. При работе над создававшимся указателем общие черты таких разночтений стали очевидными уже при самом первоначальном рассмотрении и учете материала и составлении рабочей картотеки; поэтому в процессе работы над этой картотекой оказалось возможным объединить многие песенные тексты-варианты в группы по признаку их общих основных сюжетных, эмоциональных и художественных контуров. Это сразу внесло известную организованность в общую массу собранного материала.

Составление рабочей картотеки явилось одним из самых первых этапов работы. Это была еще не систематизация материала, но необходимая подготовка к ней. Для каждой песни выделялась карточка с аннотацией и библиографией (в хронологической последовательности использованных источников), с первой строкой — зачином каждого указываемого в библиографии текста. Это последнее представлялось очень существенным, так как давало понятие об устойчивости (или, наоборот, способности к изменению) зачина данного текста в зависимости от времени и места записи. (Случалось, что в 10 вариантах одной и той же песни на карточке стояло до 10 различных зачинов.) При подборе библиографии особенно внимательно учитывались источники, включающие материал различных географических районов и записи разных лет: это выявляло картину бытования песни. Для большего удобства исследователей материал — особенно из редких и малодоступных источников — повсюду, где возможно, давался с дополнительной ссылкой на перепечатку его в общеизвестном семитомном своде А. И. Соболевского³.

Когда все учтенные песенные тексты были разнесены на карточки, совершенно четко выявилось подсказанное самим материалом разделение его на основные группы, различные по своему бытовому назначению и темам, причем, как выяснилось при дальнейшем рассмотрении, каждой такой группе соответствовала и определенная система художественно-выразительных средств. Тут возник вопрос: не следует ли на основании всех этих совпадающих групповых признаков говорить о различных песенных жанрах, самостоятельно существующих в общей системе русской народной песенности?

Термину *жанр* потребовалось дать объяснение. Он был рассмотрен с позиций, не совпадающих с традиционным представлением об этом термине в работах по народной песне. Поскольку каждая народная песня является произведением народного художественного творчества, понятие *жанра* было определено для создававшегося указателя как обобщенный тип художественного произведения, обладающий своей особой бытовой функцией, содержанием и системой художественных средств, обеспечивающих выполнение этой функции.

³ Великорусские народные песни, изданные проф. А. И. Соболевским. Спб., 1895—1902, т. I—VII.

С этой точки зрения становилось очевидным, что общепринятое традиционное толкование термина *жанр* фактически делит народные песни не на жанры, а лишь на группы, по одному из двух признаков: тематика (любовные, семейные, солдатские и пр.) или бытовое назначение (игровые, плясовые, свадебные и др.). Но песня игровая могла быть в то же время и любовной, а песня плясовая рассказывать о семейной жизни. Такие общепринятые группировки оказались не однородными — они включают в себя песни различного типа. Так, при ближайшем рассмотрении оказался неоднородным *жанр* свадебных, среди которых есть группы песен, предназначенных для величаний, заклинаний, лирических высказываний, каждая со своими тематическими, функциональными и художественными отличиями; не оказался однородным и *жанр* игровых, среди которых наряду с песнями подлинно игровыми, театрализованными имеются песни и типа лирических, и типа величальных и т. д. Следовательно, традиционное толкование термина *жанр* требовало пересмотра.

Исходя из приведенного выше определения этого термина (единство бытовой функции, содержания и системы художественных средств), следовало выяснить те основные направления, по которым развивалась песня. Этих основных направлений оказалось четыре: 1) песня хранила пережитки древних поверий, веру в магию, служила заклинанием и оберегом человека (песни этого типа в указателе условно названы заклинательными); 2) развлекала человека, подавая явления трудовой общественной и семейной жизни в переосмысленной театрализованной форме (песни игровые); 3) величала человека-труженика в моменты его высших трудовых и личных достижений (песни величальные); 4) отражала духовный мир и эмоции человека, порожденные теми или иными обстоятельствами его интимной жизни (песни лирические).

Так возникло в указателе деление всего материала на четыре основных песенных жанра. В каждом оказались тысячи текстов, которые требовали дальнейшего внутреннего упорядочения. Проведенная систематизация выявила внутри каждого жанра наличие более или менее многочисленных тематических циклов. Так, в жанре заклинательных песен четко выступали циклы аграрный, общественный и семейно-бытовой; в жанре игровых — циклы аграрный, любовный, семейный, общественно-бытовой; в жанре величальных — календарный, игровой, свадебный; в жанре лирических (наиболее обширном) — циклы любовный, свадебный, семейно-бытовой, шуточно-сатирический, солдатский, тюремный, разбойничий, бурлацкий, ямщицкий. Все это оказались именно тематические циклы в пределах одного жанра, но не самостоятельные жанры.

На первый взгляд в определении этих тематических циклов имеются как бы перекрещивания: так, свадебная тематика есть и в величальных, и в лирических песнях, семейно-бытовая — в заклинательных, игровых и лирических, любовная — в лирических и величальных и т. д. Но при более пристальном рассмотрении оказывается, что все эти тематические циклы в каждом отдельном случае отличаются своими специфическими особенностями и, несмотря на сходную тематику должны быть помещены в указателе в разных разделах.

Содержание каждого тематического цикла оказалось во всех жанрах очень широким. Появилась необходимость — и возможность, подсказанная самим материалом, — дальнейшего дробления и уточнения. В тематических циклах сами собой стали возникать подгруппы. Так, например, в лирическом жанре, в цикле любовных песен появились подгруппы «Быт и любовь девушки», «Быт и любовь молодца», «Разлука», «Измена» и др.; в цикле свадебных песен того же лирического жанра — тематические подгруппы «Девушка перед просватаньем», «Молодец перед просватаньем», «День свадьбы» и др.; а в жанре величальных — подгруппы «Величания невесте», «Величания жениху», «Величания гостям» и т. д. Короче говоря, песни всех жанров распались на те или иные тематические подгруппы.

Но хотелось — и материал как бы сам шел этому навстречу — дать внутри каждой из подгрупп во всех жанрах еще более мелкое деление — по сюжетным мотивам (к этому вопросу мы еще вернемся). Так, например, в тематической подгруппе «Быт и любовь девушки» наметились мелкие сюжетные рубрики — «Девичьи будни», «Девушка и родная семья», «Девушка и мачеха» и др.; в тематической подгруппе «Рекрутство» — рубрики «Перед набором», «Набор», «На приеме» и пр.

Подобное дробление нельзя было считать излишним: оно, бесспорно, помогало как при тематическом сопоставлении русских песенных вариантов в разных записях, так и при сопоставлении русских песен с песнями других народов, родственными им по содержанию и поэтическому языку (например, с украинскими). Кроме того, поскольку содержание песни обычно укладывается на сравнительно сжатой «словесной площади», каждая ее деталь, каждый отдельный оттенок текста приобретают особый вес и значение. Вариант отдельного мотива в других фольклорных жанрах, например в сказке, может оказаться менее заметным в общем ходе повествования и не влиять на развитие сюжета сказки в целом, в то время как в песнях, казалось бы, незначительные различия зачастую создают ощутимую разницу в восприятии текста и могут вырасти в нечто существенное для его идейно-художественных очертаний. Такова, например, общеизвестная игровая песня о молодце, которого мать хочет женить то на боярышне или княжне, то на купеческой дочери, то на поповне, в то время как сам молодец выбирает себе невесту по своему вкусу и женится то на девушке из знатной семьи, то, наоборот, на трудолюбивой скромной крестьянке. Тут нельзя передать содержание песни обобщенно: каждое различие указывает на происхождение (или бытование) песни в определенной социальной среде, каждое предлагает различное отношение к ней со стороны исполнителей. Другой пример — песня величального жанра с традиционным зачином «Кто у нас хороший», которая имеет ряд различных концовок и поворотов сюжетных мотивов: молодец один гуляет в поле, молодец едет к невесте; молодец попадает в круг подруг невесты, которые хвалят и угощают его, и т. д. Все эти различия при сходном содержании указывают на разные фазы бытования песни в общей системе традиционного свадебного обряда. Таким образом, выделение и учет, казалось бы, мелких расхождений в тексте той или иной песни привели к тому, что в указателе все эти варианты, хотя и сгруппированные в соседних разделах, оказались все же не под одним, а под разными порядковыми номерами.

Применительно к традиционной народной песне не всегда легко было и истолковать понятие *сюжет*.

В литературоведении по отношению к произведениям профессионального искусства существует несколько различных определений этого термина для жанров прозаических или стихотворно-повествовательных. Приведем некоторые особенно употребительные: «Основные события, в которых раскрываются взаимоотношения людей, изображаемые автором характеры»⁴, «Отражение динамики действительности в форме разворачивающегося в произведении действия»⁵; для жанров поэтических: «...смена эмоций, идей, настроений, переживаний субъекта, вызванных явлениями действительности»⁶. К народной песне эти определения не подходят: поскольку развития событий в лирической песне очень часто нет, повествовательный элемент в ней зачастую отсутствует; вместе с тем в ней нет «смены эмоций, идей, настроений, переживаний субъекта», изображение которых является основой профессиональной лирики. В бытовой народной песне имеются мгновенные, не индивидуализированные, а типовые зарисовки душевных состояний, выраженные с помощью традиционных художественных образов, близких и понятных всему народному, а иногда и шире — всему человеческому

⁴ Малая советская энциклопедия, т. 10, М., 1940, с. 570.

⁵ Литературная энциклопедия, т. 11, М., 1939, [с. 139—140]

⁶ Там же.

коллективу, состояний, связанных с явлениями повседневного быта и типическими, общепонятными переживаниями. Зарисовки эти беглы, часто статичны: они сочетают полную неподвижность сюжетной ситуации с полным отсутствием индивидуального отношения к миру, его субъективного видения. Иными словами, поскольку сюжет в понимании литературоведческом у массы народных песен отсутствует, термин этот в приложении к ним должен пониматься не как действие героя, а как его состояние, и во многих случаях при систематизации приходится заменять его понятием сюжетного мотива, как бы только намекающего на не развернутый полностью сюжет.

Но если в понимании литературоведческом сюжет — основное содержание произведения, то в очень многих народных песнях содержание сплетено из ряда отдельных сюжетных мотивов в сложные клубки (комплексы) и не всегда легко определить, который из мотивов является основным. Так, например, среди песен свадебного тематического цикла имеется большое количество тесно переплетенных и перекликающихся между собой сюжетных мотивов внутри таких тематических подгрупп, как «Горе и жалобы невесты», «Власть родителей», «Раздумья невесты» и др. На основании какого из всех этих мотивов следовало отнести данную песню в ту или иную сюжетно-тематическую подгруппу? Здесь приходилось учитывать и роль песни в общей системе обряда, и связь ее с определенным обрядовым моментом, и целый ряд входящих данных, выясняющихся обычно только при углубленном рассмотрении материала.

Вопрос о ведущем сюжетном мотиве оказался тесно связанным с другим: что подлежало в Указателе аннотации? При отсутствии развивающегося сюжета — с чего следовало начать пересказ «содержания» песни? Многие тексты представляют собой статичное описание или сопоставление: голубка кормит голубя — невеста угощает жениха; на тарелке скатываются вместе два яблока — молодожены садятся рядом за стол и т. п. Подобные параллелизмы, сравнения или метафоры, стоящие в поэтическом зачине песни, исчерпывают все ее содержание. В указателе эти художественные приемы аннотированы как условно понимаемый сюжет песни.

Наконец, встретила еще одна трудность: иногда песни разных жанров оказывались очень близки по тематике, художественным образам и различались лишь отдельными мелкими деталями, связанными со спецификой того или иного жанра. Правомочно ли было разносить их в различные жанровые рубрики как самостоятельные единицы? Очевидно, да: общий принцип определения жанровой специфики, положенный в основу предлагаемой классификации, устанавливает жанровую принадлежность песни на основании не отдельных признаков, а суммы их. Возможное сходство общего содержания и отдельных образов в песнях смежных жанров не должно удивлять, так как ни один из жанров не является чем-то изолированным от соседних, и многие темы (труд, семья, любовь и др.) разрабатываются в различных жанрах параллельно. Но поскольку разработка эта производится в каждом жанре своими особыми художественными средствами и бытовое назначение сходных песен бывает различным, указатель относит их к разным жанровым подразделениям. Попутно следует отметить, что наличие в народном традиционном репертуаре песен, сходных по содержанию, но различных по своей бытовой роли и художественной традиции, представляет для исследования особый интерес: оно указывает, что, несмотря на различную жанровую окраску, многообразные сюжетно-тематические разделы русской народной песни в целом обладают общностью идейно-художественного содержания. Так, например, песни о судьбе молодки в семье грубого и злого мужа имеют и в лирическом, и в игровом жанре сходный характер протеста и жалобы, изображаемых в соответствии с художественно-выразительными средствами данного жанра; песни о людях ленивых, глупых, жадных и т. п. будут иметь общий, роднящий их тон общественного осуждения и в лирических-сатирических,

и в игровых, и в свадебных «корильных» и т. д. Все это подчеркивает ту глубину, искренность и силу переживаний, которые века назад легли в основу традиционной русской народной песенности и до наших дней составляют ее главную ценность и красоту.

* * *

После распределения просмотренных песен в последовательном порядке по жанрам, тематическим циклам, тематическим подгруппам и мелким сюжетам или сюжетным мотивам указатель получил следующий вид:

Песни заклинательные

1) Аграрный тематический цикл

Святочные. Закливание и встреча коляды; воспевание щедрости коляды; приветствия хозяевам дома.

Масленичные. Закливание и встреча масленицы; праздник масленицы; проводы и прощание с масленицей.

Весенние. Закливание весны. Закливание солнца. Закливание дождя. Закливание радуги. Закливание птиц. Закливание насекомых. Закливание плодovitости животных.

Семицкие и троицкие. Закливание семика и троицы; закливание воды (рек, озер, русалок); закливание деревьев и трав; гадания девушек; «кумление» девушек.

Жнивные. Закливание урожая; работа на ниве; уборка хлеба.

2) Общественный и семейно-бытовой тематический цикл

Подблюдные. Закливание благоденствия родной земли; закливание личного благополучия человека.

Свадебные. Закливание счастливого брака молодоженов, его крепости, богатства и благополучия в доме новобрачных.

Песни игровые

1) Аграрный тематический цикл

Огородные и полевые работы. Горох; мак; капуста; редька; репа; хрен; лен; пшеница (посадка, посев, сбор урожая, продажа и пр.).

Птицы (общение с ними, их повадки). Воробей; гуси; утка; селезень; перепелка; тетерка; лунь.

Животные (общение с ними, их повадки). Баран; волк; заяц; козел; медведь; олень; ящер.

2) Семейный и общественно-бытовой тематический цикл

Любовь, брак, семья. Девушка и родная семья; выбор пары (товарища, подруги); счастливая любовь; любимый и родители девушки (противопоставление); выбор невесты; выбор молодцем новой родни; выбор девушкой жениха; девушка обижает молодца; девушка уступает молодцу; неравный брак девушки со стариком; неравный брак девушки с недоростком; неравный брак молодца со старухой; молодка и новая семья.

Быт. Домашнее хозяйство; рукоделие; лень; дрема; монастырь; бытовые сценки.

Песни величальные

1) Календарный тематический цикл

Святочные. Святочные величания девушке, молодцу, семейной паре.

Волочebные. Хозяевам дома.

Жнивные. Хозяевам поля.

2) Застольный тематический цикл

Застольные. Почетным сотрапезникам.

3) Величально-игровой тематический цикл

«Припевки»: девушке, молодцу, молодой паре; «корильные» игровые припевки.

4) Свадебный тематический цикл

Величания невесте. Восхваление качеств невесты (род, красота, богатство и пр.), семья невесты.

Величания жениху. Восхваление качеств жениха (красота, ум, богатство и др.); дома и семьи жениха; уважение к жениху в доме невесты; сочувствие окружающих счастьем жениха.

Величания новобрачным. Воспевание взаимной любви новобрачных; положительных качеств молодой пары (богатство, чиноность и пр.).

Величания гостям. Тысяцкому; свахе; свату; дружке; священнику; гостье-девушке; гостю-молодцу; женатой паре гостей; гостю-ребенку; гостье-вдове; поезжанам; «корильные» величания гостям.

Песни лирические

1) Любовный тематический цикл

Быт и любовь девушки. Девичьи будни; эпизоды быта; девушка и родная семья; девушка и мачеха; власть родителей; страх перед родителями; девичья красота; девичьи развлечения («беседы», гулянья, хороводы и пр.); девушка влюблена; девичья любовная тоска; девичьи сны; гаданья, приметы.

Быт и любовь молодца. Молодец и родная семья; красота молодца; молодец пьет и гуляет; попытки молодца завлечь девушку обманом; рекрутство и тюрьма как наказание за гульбу; одиночество и тоска молодца; молодец на чужбине; думы молодца о женитьбе; молодец влюблен.

Взаимная счастливая любовь. Согласие и счастье; подарки; подарок кольца; молодец навещает девушку; девушка любит молодца вопреки всем запретам; верность любимому; девушка сама выбирает свою судьбу; молодец сватается к девушке.

Нарушенная любовь. Предостережение девушке от необдуманного брака; девушка отказывает молодцу из-за его дурной славы, пьянства, нелюбимой семьи и т. п.; сплетни; ссоры и примирения влюбленных; девичье коварство; молодец оскорбляет и бьет девушку.

Измена. Молодец покидает любимую; девушка обманута; соперница; молодец женится на сопернице; молодец любит одновременно нескольких девушек; девушка изменяет молодцу.

Разлука. Судьба и люди разводят влюбленных; разлука из-за насильственного брака с нелюбимым (с нелюбимой); девушка уезжает на чужбину; молодец уходит в солдаты по призыву; переписка в разлуке; птицы и ветры — посредники между разлученными, вестники между разлученными; разлука — разрыв, конец любви.

Девичья гульба. Девичье легкомыслие: гульба, вино, кабаки, веселье; родные разрешают девушке гульбу; родные уговаривают девушку бросить гульбу; раскаяние девушки в гульбе; дурная слава девушки; любовь к женатому; добрачный ребенок; брак по расчету.

Любовь и смерть. Болезнь любимого (любимой); молодец умирает (трагически погибает); девушка умирает (трагически погибает); молодец убивает девушку; девушка убивает молодца; самоубийство из-за любви.

2) Свадебный тематический цикл

Молодец перед просватаньем. Советы молодцу жениться; выбор невесты; сватовство.

Девушка перед просватаньем. Власть родителей; горе и жалобы невесты; родители любят, жалеют и утешают дочь.

Просватанье. Приготовления в доме невесты к приезду жениха; приезд жениха на просватанье; невеста просватана; взаимное одаривание.

После просватанья. Страх невесты перед новой судьбой; споры, насмешки невесты над женихом; взаимная любовь и согласие жениха и невесты; невеста оплакивает свою молодость, волю и красоту; раздумья невесты; сны и предчувствия невесты; молитвы невесты; невеста и подруги.

Сиротство жениха и невесты. Жених-сирота; невеста-сирота.

День свадьбы. Утро свадебного дня у невесты; приезд жениха; отъезд к венцу; венчанье; приезд от венца в дом молодого; одаривание молодой новой родни; свадебный пир.

Молодожены. Взаимная любовь молодоженов; молодой и семья молодки; семейное счастье, молодая семья; молодка и новая родня; разочарование, упреки, жалобы.

3) Семейный тематический цикл

Счастливый брак. Семейное счастье; взаимная любовь.

Брак, несчастливый для молодца. Женитьба молодца на нелюбимой; уход молодца в солдаты от злой жены; женатый молодец любит другую женщину, гуляет с девушками; муж и родня нелюбимой жены; муж желает смерти нелюбимой жене.

Брак, несчастливый для девушки. Брак с нелюбимым; неравный брак со стариком; неравный брак с недоростком; муж — пьяница, гуляка, «неумеха»; молодка любит дружка, гуляет тайком от мужа, желает мужу смерти (радуется ей, убивает мужа); хозяйство молодки; молодка и семья мужа; молодка и ее родная семья; вдовство; молодка-мачеха.

4) Общебытовой тематический цикл

Народный быт. Крестьянский быт, труд; народ и начальство; родная природа.

5) Общебытовой шуточный и сатирический тематический цикл

Юмор и сатира. Неумелая хозяйка; плохая рукодельница; хозяйка-лентяйка; жена-модница; муж — глупец, «неумеха»; дурные отношения молодки с семьей мужа; хмель, пьянство; гульба; воровство; сатирические характеристики деревень-соседок; духовенство, монахи; бары, господа, начальство; шуточные песни о животных, птицах, насекомых.

6) Солдатский тематический цикл

Рекрутчина. Дурные предзнаменования (вещие сны молодца, недобрые приметы и предчувствия, конь-прорицатель); перед набором; запись в рекруты; набор; богачи сдают в рекруты сына бедняка; родители выбирают одного из сыновей в рекруты; сдача сына в рекруты как наказание; в «приеме»; молодец сам продается в рекруты; рекрут забрит; проводы, прощание.

Солдатчина. Солдатские будни; солдаты на марше; неприязнь солдат; солдат и командиры; тоска по близким; распад семьи; солдаты и девушки; чужбина; служба во флоте; приготовления к военному походу; поход; война и боевые эпизоды; беглые солдаты; смерть в бою; смерть на чужбине; последние обращения умирающего к семье; смерть начальника; мертвый воин; плен; бегство из плена; возвращение домой; радостная встреча; родня не узнает вернувшегося; возвращение в разрушенный дом.

7) Тюремный тематический цикл

Тюрьма. Быт и думы арестанта; возмущение, социальный протест; арестант и его семья; арестант и его любимая; девушка-арестантка; выкуп из тюрьмы; подкуп палача; казнь в тюрьме.

Ссылка. Каторга; бегство с каторги; бродяжничество.

8) Разбойничий тематический цикл

Быт шайки. Разбой; воровство; убийство; дележ добычи; похищение девушки.

Любовь разбойника. Жена разбойника; девушка-разбойница.

Наказание за разбой. Царский суд над разбойником. Казнь.

9) Бурлацкий тематический цикл

Быт бурлака. Тяжесть бурлацкой работы; бурлаки и девушки; бурлаки на чужбине.

10) Ямщицкий тематический цикл

Быт ямщиков. Труд ямщика; болезнь и смерть ямщика в пути.

Таким получилось общее содержание «Жанрового и сюжетно-тематического указателя по русской народной бытовой песне» в записях и

публикациях XVIII—XX вв. А вот как, например, расположились материалы вокруг отдельной песни:

№... Девушка от любовного горя идет в лес, рвет цветы, вьет венок дружку; просит носить венок и любить ее.

Пальч., № 65 (Соб., V, № 29) ⁷
Ефим., с. 54, № 18 (Соб. V, № 26)
с. 115, № 8 (Соб. V, № 25)
Соб. V, № 24
№ 27
№ 28
№ 30

Ты прости-прощай, весь вольный свет
Я мала была, да горя не было
А я куда с горя деваюсь
Печаль-то, горе, горе великое
Мне куда с горя деваться
Куда идти, печаль нести?
Как в лесе под кустиком

Или: №... Девушка спрашивает родителей, разрешают ли они ей веселиться; оба отвечают, что следует пользоваться своей молодостью, пока не пришла старость.

Сахар., с. 38, № 40 ⁸
с. 64 (без №)
Магнитск., с. 124, № 9 (Соб. II, № 16)
Попов, с. 68, № 32 (Соб. II, № 15)
Соб. II, № 17
№ 18
№ 19
Зыр., № 143

Со высоких ворот
Сокол ли мой, сокол
Из улицы в улицу
Летал сокол высоко да высоко
Пойду, млада, в темный лес
По улице широкой
Залетная пташечка
Летал сокол высоко и далеко

Или: №... Игумен постригает девушку в монахини против ее воли; ей хочется веселиться, плясать, скакать; она раздаривает свою мантию и камилавку сестре, брату, подругам, а сама отказывается вести монашеский образ жизни.

Прач, № 122 ⁹ (Соб. VII, № 357)
Терещ. VII, с. 210 (Соб. VII, № 356)
Кир., № 1226
Рыбн., с. 161, № 1 (Соб. VII, № 359)
с. 162, № 2 (Соб. VII, № 352)
Балак., № 16
Можар., с. 69, № 1 (Соб. VII, № 352)
Р.-Корс., № 70 }
Шейн II, № 1064 }
Соб. VII, № 353
№ 355
№ 360
Лаговск., с. 50, № 116
Иваницк., № 401

Не спасибо игумну тому
Не мое дело черничкой быть
Ой, старец лих, лихоманец лих
Не спасибо те, игумну, тебе
Не спасение игумну тому
Не спасибо игумну тому
Не спасибо монаху тому
Не спасет бог игумена того
Рано молоду в чернички стригут
Не спасибо игумну тому
Рано молоду в чернички стригут

⁷ В приложении к указателю дается полный список использованных источников и библиографических сокращений. Приводим расшифровку сокращений в приводимых примерах: *Пальч.*—Крестьянские песни, записанные в селе Николаевке Мензелинского уезда Уфимской губ. Н. Е. Пальчиковым. Спб., 1888; *Ефим.*—Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ. Собр. П. С. Ефименком. Народная словесность. М., 1878; *Соб.*—Великорусские народные песни, изд. проф. А. И. Соболевским Спб., 1895—1902, т. I—VII.

⁸ *Сахар.*—Сказания русского народа, собр. И. Сахаровым. Спб., 1841, т. I—II; *Магнитск.*—Песни крестьян села Беловолжского Чебоксарского уезда Казанской губ. В. Магнитского. Казань, 1877; *Попов*—Народные песни, собр. в Чердынском уезде Пермской губ. Вас. Поповым. М., 1880.

⁹ *Прач*—Собрание народных русских песен с их голосами. На музыку положил Иван Прач. М.: Музгиз, 1955; *Терещ.*—А. Терещенко. Быт русского народа. Спб. 1848, т. I—VII; *Кир.*—Песни, собр. П. В. Киреевским. Новая серия, В. I—II. М., 1917—1929; *Рыбн.*—Песни, собр. П. Н. Рыбниковым. М., 1909—1910, т. I—III. *Балак.*—Сборник русских народных песен/Сост. М. Балакирев. М., 1866; *Можар.*—Святочные песни, игры и гадания Казанской губ. Ал. Можаровского. Казань, 1873; *Р.-Корс.*—Н. А. Римский-Корсаков. Сто русских народных песен. М.: Музгиз, 1951; *Шейн*—Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. Материалы собр. и привед. в порядок П. В. Шейном. В. I—II. Спб., 1898—1900; *Лаговск.*—Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губ. В. II.—Тр. Костромского научного о-ва по изучению местного края. В. XXIX. Третий этнографический сборник. Кострома, 1923; *Иваницк.*—Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собр. Н. А. Иваницким в Вологодской губ. Вологда, 1960.

Варианты зачинов открывают возможность для различных наблюдений над жизнью песни.

В каком порядке следовало располагать песни внутри тематических циклов и сюжетных групп? Понятно, что никакое размещение в алфавитном порядке (по первой строке, возможное при публикации ограниченного количества текстов в каком-либо сборнике или своде) использовано быть не могло, так как нельзя было выбрать «основной» зачин у песни, имеющей их 10—15 вариантов. Поэтому в указателе пришлось отказать от заголовков песен по первой строке и разместить их в последовательности — назовем условно — «жизненного процесса»: например, в заклинательных-аграрных — от святок через весь календарный год до окончания жатвы; в лирических любовных — от жизни девушки или молодца в родной семье до свадьбы; в солдатских — от рекрутского приема через жизнь в полку, походы и битвы до возвращения воина домой, и т. п. Таким образом, читая подряд аннотации к песням, входящим во все намеченные указателем жанры, тематические циклы, подгруппы и сюжетные группировки, читатель получает достаточно ясное представление об общем объеме и характере содержания русской бытовой традиционной песенности не только во всех основных, но и в самых детальных разветвлениях ее тематики; а просматривая после каждой аннотации библиографию, знакомится со степенью популярности и с географической распространенностью той или иной песни в народном репертуаре на протяжении последних столетий.

Н. А. Красновская

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ О. САРДИНИЯ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

История Сардинии — второго по величине острова Средиземного моря — столь же интересна, как и сложна. Ее изучение, начиная с самых отдаленных периодов, помогает реконструировать этногенез и дальнейшее этническое развитие сардинцев — одной из наиболее ярких по своей народной культуре этнических общностей современной Европы. В настоящей работе автор продолжает исследование основных вех сардинской этнической истории, предпринятое им в двух предыдущих статьях¹.

В начале I тысячелетия до н. э. Сардиния стала привлекать внимание финикийцев. Из-за туманности сведений у античных авторов невозможно установить, когда именно они здесь появились. Единственное прямое письменное указание на проникновение финикийцев на остров встречаем у автора Исторической библиотеки Диодора Сицилийского (80—29 гг. до н. э.). По его словам, финикийцы, обогатившись на торговле с Востоком, «высылали многочисленные колонии, одни — в Сицилию, другие — в Ливию, Сардинию и Иберию» (V,33,3).

Финикийская колонизация Западного Средиземноморья отличалась специфическими чертами, отражавшими сам характер этого народа, состоявшего не столько из земледельцев, сколько из моряков и торговцев. Колонии их повсюду представляли собой приморские поселения, имевшие двойное назначение. Во-первых, это были опорные пункты вдоль пути, который вел из Тира и Сидона в Тартесс (на юге современной Испании), где добывались серебро и медь, во-вторых, торговые фактории, связывавшие финикийских купцов с местным населением.

¹ Красновская Н. А. Загадочные башни Сардинии. — Сов. этнография, 1978, № 4, с. 137—147; *ее же*. Некоторые проблемы дофиникийской колонизации Сардинии. — Сов. этнография, 1980, № 5, с. 34—44.